

Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей

А. А. Князев¹, Н. Я. Гулам²

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-8520>; e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности этнополитических процессов в Афганистане после прихода к власти Движения талибов, а также оценивается влияние на эти процессы внешних акторов, прежде всего – стран-соседей. В настоящее время национально-этнический фактор продолжает играть важную роль во внутренней политике Афганистана. Движение талибов, начиная с августа 2021 года установившее монополию на власть в стране, своими действиями с тех пор не раз провоцировало критику зарубежных стран, отказываясь выполнять требования, связанные в т.ч. с формированием инклюзивного правительства. Поскольку афганское общество само по себе лишено этноконфессиональной гомогенности (при том, что почти все его этносы относятся к числу разделенных народов), а институты центральной власти в этом государстве всегда отличались неустойчивостью, этнические общины имеют тенденцию к тяготению к соседним странам (усилившуюся в условиях перманентной гражданской войны), что, в свою очередь, обуславливает их вовлечение в происходящее в Афганистане. В настоящее время представляется весьма актуальным для будущего этой страны и региона в целом вопрос, готовы ли внешние акторы, столкнувшись с дискриминационной политикой талибов по отношению к этническим меньшинствам, представители которых в большинстве своём оказались вытеснены с политической сцены, а также с угрозами безопасности, которыми чревато правление талибов, воздействовать на происходящее в этой стране посредством своих т.н. «проводников». Ответ на этот вопрос будет различаться в зависимости от рассматриваемой страны: к примеру, в то время, как руководство Таджикистана на данный момент принципиально не идёт на прямой контакт с талибскими властями в виду нежелания последних создавать инклюзивное правительство, оказывая при этом поддержку таджикскому антиталибскому движению, Узбекистан и Туркменистан, напротив, стремятся выстроить с талибами конструктивные отношения, не акцентируя внимание на этническом факторе. Так или иначе, поскольку ситуация в этой стране под руководством талибских властей остаётся крайне нестабильной, а также учитывая, что любой конфликт на афганской территории чреват перерастанием в межэтническое противостояние, вовлечение стран-соседей Афганистана в происходящие внутри него процессы в обозримом будущем представляется весьма вероятным.

Ключевые слова: Афганистан, Иран, Пакистан, Центральная Азия, этнополитические процессы, межэтническое взаимодействие, региональная безопасность

Для цитирования: Князев А. А., Гулам Н. Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. Постсоветские исследования. 2023; 4(6):426-436.

The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries

Alexander Al. Knyazev¹, Ninel Ya. Gulam²

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», Moscow, Russia

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3365>; e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-8520>; e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the specifics of ethno-political processes in Afghanistan under the Taliban and assesses the influence of external actors (primarily neighboring countries) on it. At present the national-ethnic factor continues to play an important role in Afghanistan's domestic politics: the Taliban Movement, which in August 2021 established its monopoly on power the country, has more than once since then drawn foreign criticism, refusing to meet the demands related to the formation of an inclusive government. Since Afghan society lacks ethnic and religious homogeneity and its central government institutions have always been fragile, ethnic communities tend to gravitate towards neighboring countries, which in turn allows for their involvement in Afghanistan. The question of whether external actors facing the Taliban's discriminatory treatment of ethnic minorities, most of which have been marginalized, and the security implications of the Taliban rule are prepared to address the events in Afghanistan through their “proxy groups” is therefore highly relevant for the future of the country and the region as a whole. However, the answer would differ from country to country: for instance, while the Tajikistan government is, as a matter of principle, not in direct contact with the Taliban right now because of its reluctance to form an inclusive government, while supporting the Tajik anti-Taliban movement, Uzbekistan and Turkmenistan are, by contrast, trying to build constructive relations with the Taliban without putting emphasis on the ethnic factor. In any case, since the situation in the country under the Taliban rule remains extremely unstable, and given that any conflict on Afghan territory is fraught with the risk of escalating into inter-ethnic confrontation, the involvement of Afghanistan's neighbors in its internal affairs seems highly likely in the foreseeable future.

Key words: Afghanistan, Iran, Pakistan, Central Asia, ethno-political process, inter-ethnic interaction, regional security

For citation: Alexander Al. Knyazev, Ninel Ya. Gulam. The Ethnopolitical Situation in Afghanistan: External Influences and the Involvement of Neighboring Countries // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):427-436. (In Russ.).

Межэтническая проблематика достаточно широко представлена в исследовательской литературе: об особенностях межэтнического взаимодействия в Афганистане в разное время писали В.В. Басов, М.Р. Арунова, Ю.П. Лалетин, С.М. Акимбеков, В.С. Бойко, Н. Дюпре, Б. Рубин, Л. Гудсон [Басов 2011; Арунова 2010; Лалетин 2008; Акимбеков 2015; Бойко 2016; Dupree 1977; Рубин 2022; Goodson 2001]. Влияние внешних акторов, включая страны Центральной Азии, на события в Афганистане посредством поддержки тех или иных этнополитических сил рассматриваются в работах А.А. Князева, А.А. Казанцева, И.А. Сафранчука [Князев

2004, 2009, 2023; Казанцев 2008; Сафранчук 2017]. Наконец, эволюция государственного устройства Афганистана становилась объектом исследований многих отечественных авторов, в числе которых — Ю.В. Ганковский, Ю.В. Босин, В.Г. Коргун, В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев, [Ганковский 1958; Босин 2002; Коргун 2004; Белокреницкий, Сикоев 2013] и другие.

Этнополитические процессы в Афганистане на протяжении всей его истории отличались своей сложностью и многогранностью и напрямую сказывались не только на внутренней и внешней политике управлявших страной правительств, но и на политике внешних акторов по отношению к

ней, в особенности стран-соседей. Как известно, население этой страны отличается крайней этнической неоднородностью, поскольку наряду с крупнейшими народностями, населяющими её территорию — пуштунами, таджиками, узбеками, хазарейцами и рядом других, — включает в себя несколько десятков малых этносов, отличающихся друг от друга по расовым признакам, по языку, культуре, религии и образу жизни [Конфликты...2008: 289]. Необходимо упомянуть и другой важный разобщающий фактор — раздробленность внутриплеменную или внутриклановую, региональную, которая наблюдается как среди этнических меньшинств, так и пуштунов, и имеет большую историю [Политические системы... 2007: 452].

Динамика изменений в этнической структуре населения Афганистана на протяжении примерно полутора веков оказалась достаточно высока, но в то же время, этнополитический баланс афганского общества, начинал формироваться на рубеже XIX-XX вв. по модели гегемонистского доминирования (пуштунов) в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции (прежде всего это относится к таджикам), что создавало условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства [Князев 2004: 114]. В ходе событий XX века сама матрица развития афганского общества претерпела ряд качественных изменений, отправной точкой этих изменений в этнической сфере можно, хотя, конечно, и довольно условно, считать гражданскую войну 1928-1929 годов, быстро принявшую межэтнический характер. В этнополитическом плане и образование движения талибов в начале 1990-х гг. может рассматриваться как реваншистский проект пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на политический вызов этнических меньшинств. Доминантное положение пуштунов в большинстве сфер жизни афганского общества и дискриминационные шаги по отношению к другим этническим группам способствовали закреплению между

этими двумя «полюсами» отношений взаимного недоверия.

Межэтническая проблематика приобретает особую важность в современных условиях, когда в Афганистане, во-первых, отсутствуют прочные и эффективные государственные институты, и, во-вторых, центральная власть практически никогда не контролирует целиком территорию всей страны [Акимбеков 2015: 769]. Разобщённость афганского населения в условиях перманентной гражданской войны и слабости государственных институтов породила определённые долгосрочные центробежные тенденции, которые выражаются в тяготении некоторых этнических общин к соседним странам, что, в свою очередь, приводит к росту вовлечения соседей Афганистана в его внутренние дела и проходит не без последствий для самой страны. Подобную взаимную вовлечённость можно отметить, например, для хазарейцев-шиитов и Ирана. В целом, не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную роль, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов, стимулируемых, в свою очередь, воздействием внешних центров силы.

Внешние обстоятельства, безусловно, сказываются на ситуации в Афганистане, и одним из наиболее важных и поворотных событий, повлёкших за собой кардинальные изменения на афганской политической арене и обусловивших актуальность настоящего исследования, можно считать вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 года и последовавший за ним приход к власти движения талибов, которое до этого на протяжении почти двух десятилетий было фактически исключено из формального политического процесса в стране. Теперь движение, по сути, установило в стране свою монополию на власть, когда с политической сцены оказались вытеснены республиканские политики, включая лидеров многих этноконфессиональных общин [Князев 2021: 459].

Такая ситуация, когда этнические меньшинства оказались на периферии политической жизни страны, вызвала негативные реакции не только стран-соседей Афганистана, но ряда других стран, отказавшихся признавать новые власти на официальном уровне до тех пор, пока не будут выполнены выдвинутые международным сообществом условия, в числе которых — формирование инклюзивного правительства. Необходимо оговориться, что само понятие «инклюзивности» в разных странах содержит в себе довольно разные смыслы. Если США и западные страны апеллируют преимущественно к некой пропорциональной представленности в системе государственного управления Афганистана политиков из числа этнических меньшинств, то, например, российская сторона говорит о политической инклюзивности, способной обеспечить устойчивость и эффективность правительства, что не обязательно подразумевает представленность в органах власти всех и вся. Несмотря на оказываемое извне массивное политическое и экономическое давление, талибы до сих пор демонстрировали своё нежелание идти на компромисс с зарубежными партнёрами.

В данной связи представляется весьма актуальным для будущего страны и региона в целом вопрос: каким образом внешние акторы, столкнувшись с отказом талибов идти на уступки и вводить послабления на участие представителей оппозиционных сил в политической жизни Афганистана, могут воздействовать на происходящее в этой стране, например, посредством своих этнополитических прокси. Какой-либо институционализированной оппозиции движению талибов в стране за все время, прошедшее после 15 августа 2021 г., не возникло. Важнейшей характеристикой всех условных «центров сопротивления» движению талибов остаётся имманентный для афганского менталитета вождизм, отсутствие реальных программ для потенциальных групп поддержки среди населения. Какой-либо существенной субъектностью в политической жизни

Афганистана никто из них не обладает. Это относится и к этническим и религиозным группам, чьи реальные интересы не отражены действующими (формальными) политическими лидерами и партиями, дислоцирующимися преимущественно в эмиграции: в Турции, в странах Европы, в США. Правомочность и дееспособность этих этнополитических партий, существовавших до 15 августа 2021 года (как и групп пуштунской элиты, причастной к эксправительству Ашрафа Гани), также является в высокой степени сомнительной. Их интересы очень далеки от потребностей соответствующих этнических и региональных общин, в значительной мере они скомпрометированы своими связями с предыдущими афганскими правительствами, которые в глазах большинства афганцев являются уже символами социально-экономического кризиса, коррупции и отхода от традиционных ценностей. Какое-то объединение и превращение всех этих групп противодействия движению талибов способно стать реальностью исключительно при серьёзной внешней поддержке — не только политико-дипломатической, но и конкретно-материальной.

В настоящее время об этническом составе и балансе населения Афганистана можно судить лишь по примерным оценочным данным, поскольку в стране отсутствует практика систематического проведения всеобщей переписи населения. Попытки исчисления населения для упорядочения налоговых поступлений предпринимались эмиром Абдурахман-ханом, а позже — Хабибулло-ханом. Однако эти данные, будучи опосредованы стремлением правящей пуштунской элиты включить непуштунские народы в состав «единой афганской нации», не могут служить объективным источником для создания этнической картины и прошлого и, тем более, современного Афганистана. Отдельные попытки проведения переписей предпринимались в период правления НДПА, однако, они были достаточно бессистемны и могут дать лишь очень приблизительные цифры. В то же время, имевшие массовый характер миграционные

процессы, начиная с конца 1970-х годов и происходящие до настоящего времени, серьезно деформировали и продолжают менять этническую картину, которая и без того никогда не была статичной. Начиная с 2000-х годов многие международные организации приводили различные оценки этнического баланса населения Афганистана, согласно которым доля пуштунов в нём составляет порядка 40%, таджиков — 25-30%, хазарейцев — примерно 10%, а в оставшиеся 20-25% населения входят узбеки, туркмены, аймаки, белуджи, а также несколько десятков других малых этносов и народностей [Конфликты...2008: 289].

В любом случае, пуштунов, остающихся, согласно различным оценкам, наиболее многочисленной этнической группой Афганистана, принято считать его титульной и государствообразующей нацией [Босин 2002: 54]. Кроме того, как отмечал еще в 1987 г. В.В. Басов, «только пуштуны имеют всестрановый масштаб массового расселения» [Басов 2011: 233], и нет оснований говорить о каком-либо изменении в этом обстоятельстве. Процессы государственного строительства и национальной консолидации во второй половине XIX века в Афганистане, проходившие под началом пуштунской военно-политической элиты и зачастую сопровождавшиеся различными репрессиями в отношении этнических меньшинств, способствовали росту напряжённости в сфере межэтнических отношений. Оценивая ситуацию в сфере межнациональных отношений в Афганистане, представляется необходимым сделать и следующий экскурс. В сочинениях главы младоафганского движения Махмуда Тарзи последовательно проводится мысль о том, что понятие «афганская нация» должно включать в себя все народы и народности, населявшие Афганистан. Идея единства, проповедовавшаяся Махмудом Тарзи, во многом основывалась на учении Джамалуддина аль-Афгани, который особо подчеркивал, что «только на основе союза и единства афганский народ поднял знамя независимости» [Имомов 1983: 142-152].

Таким образом, конфессиональный фактор выделялся в приоритет, выходил на первый план, что естественно, основываясь на том, что в исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной. Со времен Арабского халифата «абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении последующей истории ислама позволила оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах одной империи» [Степанянц 1962: 110]. Примат конфессионального над национальным предполагал и примат государственного над этническим. Эти установки были положены в основу национальной политики Аманулло-хана, согласно которой афганская нация должна быть единой и включать в себя все народы и племена, населяющие Афганистан. Каких-то концептуальных изменений во взглядах кабульской правящей элиты на национальный вопрос в последующем не происходило, хотя де-факто пуштунизация усиливалась, государственное превалировало над национальным. По-прежнему исключалась сама постановка вопроса о предоставлении какой-либо формы автономии для любого из пуштунских народов. Такой вариант решения национального вопроса способствовал росту антипуштунских настроений среди национальных меньшинств Афганистана, что толкало их на путь сепаратизма и восстаний и в конце XIX в., и на протяжении XX вв., что, в свою очередь, было естественным отражением характерной для афганского общества неспособности к унитаризму.

Следует отметить, что идеи федеративного устройства Афганистана имеют свою немалую историю. Федерализация Афганистана рассматривалась в свое время еще в советском руководстве — как вариант урегулирования межэтнических, этнополитических проблем и стабилизации ситуации в стране после вывода советских войск. В частности, изучалась возможность создания «в рамках единого Афганистана таджикской автономии на базе районов проживания таджиков с включением в нее

территорий провинций Бадахшан, Тахар, Баглан, части Парван и Каписа», обсуждались вопросы представительства таджиков в высших органах власти страны и формирования Исламским Обществом Афганистана («Джамиати Исломи») «регулярных войск таджикской автономии с включением их в состав ВС РА». Отказ от подобного реформирования Афганистана был связан, в первую очередь, с пониманием очевидной нереальности администрирования по этническим критериям в условиях высокой дисперсности населения в стране. Еще раньше идея федерализации Афганистана не была чужда Хафизулло Амину, мечтавшему о создании в стране по примеру СССР ряда республик: пуштунской, таджикской, белуджской и т.д. [Гай, Снегирев 1991: 195-217; Ляховский 2004: 664].

Фрагментация афганского общества не ограничивается этническими различиями: оно расколото также по религиозным, расовым, племенным (пуштунский этнос, в частности), клановым признакам, а фактическая изолированность жителей одних регионов от других, обусловленная географическими особенностями афганской территории и труднодоступностью отдельных её районов создаёт большое количество барьеров во взаимодействии афганского населения и усугубляет его без того сильную разобщённость, предопределившую в т.ч. слабость институтов центральной власти государства [Goodson 2001: 12].

По утверждению Л. Гудсона, Афганистан «служит ключом к миру и стабильности, экономическому росту и развитию, а также социальным изменениям в регионе, где он расположен», и потому совершенно неудивительно, что практически все его соседи, а также ряд других игроков, участвующих в экономических проектах в регионе, глубоко заинтересованы в том, чтобы иметь те или иные рычаги воздействия на происходящее в этой стране [Goodson 2001: 5]. Среди внешних акторов, имеющих те или иные интересы в Афганистане и поддерживающих как минимум одного «проводника» своих интересов в лице какой-

либо этноконфессиональной группы, он упоминает Россию, Индию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Саудовскую Аравию, а также Турцию, Китай и США [Goodson 2001: 6]. Думается, что этот список подлежит серьезной коррекции, даже абстрагируясь от целого ряда критериев, можно обратиться к этническому. Имея ввиду, что все без исключения этносы Афганистана относятся к категории разделенных народов, именно принцип этничности во многом определяет степень вовлеченности той или иной страны в процессы в Афганистане. В ряде случаев — испытывая и на себе воздействие афганских процессов: последнее наиболее, пожалуй, явно обнаруживается во взаимодействии афганских пуштунов с превосходящими их по численности пуштунами Пакистана. В афганской элите всегда было распространено несогласие с линией прохождения границы («линия Дюранда»), принятой под давлением Британской империи, для Кабула вопрос о прохождении границы между Пакистаном и Афганистаном остался одной из главных внешнеполитических проблем, предопределяя конфликт интересов в отношениях между двумя странами. Для Пакистана эта же проблема остается существенным фактором собственной безопасности, целостности страны, а в дополнение к «пуштунскому вопросу» существует еще и белуджский сепаратизм, причем связи между белуджами Пакистана, Афганистана, а также Ирана имеют вполне системный характер.

«Белуджский вопрос» актуален и для Ирана, дополняясь еще и межконфессиональной проблематикой. Белуджское сепаратистское подполье во многом представляет угрозу безопасности в Иране в силу своих связей на территории не только Пакистана, но и Афганистана. Другая связь носит скорее конфессиональный характер: это поддержка Тегераном афганских шиитов-хазарейцев — с одной стороны, и это серьезная проблема афганских беженцев из числа этих же хазарейцев в самом Иране — с другой. В последние годы добавился и еще один немаловажный аспект: созданная КСИР из

числа афганских хазарейцев, бригада «Фатимиюн» была развернута в Сирии в 2013 году и сражалась вместе с силами Асада против поддерживаемой США сирийской оппозиции, а затем и против ИГИЛ. На пике гражданской войны в Сирии численность бригады «Фатимиюн» составляла около 20 тысяч человек, в 2020 году иранское правительство предлагало тогдашнему правительству в Кабуле задействовать этот контингент для борьбы с «ИГИЛ-Хорасан». В любом случае, этот иранский прокси-ресурс обладает серьезным военным потенциалом, прямо связанным с Исламской Республикой.

Говоря об этнически мотивированной вовлеченности в Афганистане стран Центральной Азии, необходимо отметить важные различия по странам. В 1990-х гг. Узбекистан довольно активно способствовал созданию на афганском участке своих границ буферного образования во главе с этническим узбеком Абдулрашидом Дустумом. Часто встречающаяся информация о какой-то массивированной поддержке Дустуму со стороны Узбекистана не имеет какой-либо документальной основы, во всяком случае, потенциал военной составляющей партии «Джумбеш Милли-е Исломи-е Афғонистон» (Национальное исламское движение Афганистана), зиждился преимущественно на ресурсах, доставшихся Дустуму как от правительства Наджибуллы, так и на военно-технических ресурсах, оставленных в 1989 г. советской стороной при выводе ограниченного контингента войск из Афганистана. Тем не менее, Узбекистаном являлся и важнейшим каналом взаимодействия с внешним миром для Дустума, определенным фактором политической поддержки в ситуации, когда Узбекистан вместе с другим союзными ему странами (в тот период — прежде всего с Россией) максимально дистанцировался от взаимодействия с движением талибов. Эта дистанция имела свои временные пределы: первые контакты на высоком официальном уровне между Ташкентом и руководством талибов относятся к 1999 году. Весь последующий период и в настоящее время Узбекистан в своей афганской политике

опирается на договоренности с действующими правительствами Афганистана, никак не акцентируя в своей политике поддержку афганским узбекам. Более того, начиная с 2017-2018 года Ташкентом был налажен устойчивый диалог и с руководством движения талибов: хотя Узбекистан в этот период и был не готов взять на себя ответственность за комплексное урегулирование в Афганистане, но будучи ближайшим и влиятельным региональным игроком, сделал попытку стать частью масштабного процесса афганского урегулирования. После августа 2021 года Узбекистан одним из первых среди стран-соседей Афганистана наладил деловое взаимодействие с новым правительством в Кабуле и конструктивно решает возникающие проблемы по экономическому сотрудничеству и в сфере безопасности. При этом нет ни малейших признаков того, чтобы узбекская община в Афганистане занимала в афганской политике Ташкента какой-то особый статус, основанный на этнической общности.

Туркмения — единственная из стран-соседей Афганистана, никогда и никаким образом не пытавшаяся в последние десятилетия оказывать какую-либо поддержку антиталибским силам и, тем более, по этническому признаку. Туркменистан имел наиболее конструктивные из всех стран-соседей отношения с движением талибов в период их первого нахождения у власти, никаким образом, не реагируя на положение туркменской общины на сопредельной территории. И это несмотря на то, что значительную часть туркменского населения провинций Афганистана, соприкасающихся с туркменской территорией, составляют потомки туркмен, эмигрировавших туда в 1920-1930-х гг., имеющие родственные связи в Туркмении. Известны неоднократные случаи, когда попытки афганских туркмен, подвергавшихся давлению со стороны талибов и пытавшихся уйти в Туркмению, были жестко пресечены туркменскими силовыми структурами. Как и Узбекистан, Туркмения никак не выделяет афганских туркмен в качестве объекта своего особого

внимания и осуществляет взаимодействие с государственными афганскими органами.

Политическая позиция Таджикистана, принципиально отличается заикленностью на политическом признании правительства «Талибана», совпадая с политикой США и западных стран в целом. Руководство Таджикистана категорично апеллирует к необходимости создания в Афганистане представительного (инклюзивного) правительства. Со стороны РФ, РУз, ИРИ и ряда других стран, занимающих вполне конструктивные позиции, подразумевается, что представленность этнических и других политических групп должна быть основой сбалансированности, стабильности и эффективности правительства, это артикулируется преимущественно в плане рекомендаций. Категоричность, с которой инклюзивность декларируется со стороны Таджикистана, подразумевает обязательную весомую численность в высших органах власти Афганистана прежде всего политиков из таджикского афганского сообщества. Практическая поддержка, которая оказывается в Таджикистане афганским таджикским антиталибским группировкам, содержит в себе как потенциал эскалации внутриафганского конфликта, так и потенциал межгосударственного конфликта между Таджикистаном и Афганистаном и, таким образом, имеет значение для сферы безопасности всего региона.

В данной связи представляется целесообразным рассмотреть некоторые факторы, мотивирующие внешних игроков к вмешательству в события в Афганистане в настоящее время.

Фактор региональной безопасности — пожалуй, наиболее очевиден: как отмечает О. Нессар, нестабильная обстановка в Афганистане рассматривается его соседями в первую очередь через призму угроз для их

собственной безопасности,¹ включая и проблему незаконного производства и распространения наркотических веществ. Впрочем, нужно отметить, что в самое новейшее время, после 21 августа 2021 года, заметно меняется подход Узбекистана: приоритетным становится взгляд на Афганистан не столько как на источник угроз безопасности, сколько как на потенциальное пространство взаимосвязанности Центральной и Южной Азии [Князев 2023]. Хотя за период нынешнего нахождения талибов у власти в стране зафиксировано снижение интенсивности боевых действий, уровень насилия всё равно остаётся весьма высоким, что во многом связано с деятельностью международных террористических организаций, ведущих борьбу против талибов (прежде всего, речь идёт об «ИГИЛ-Хорасан»²). При этом в оценках взаимодействия движения талибов с существующими террористическими группировками очень часто присутствует упрощенный стереотипный подход политиков, военных, экспертов, считающих их частями некой глобальной террористической сети, прямо и тесно связанными между собой. Этот подход можно охарактеризовать и как во многом инерционный и не учитывающий происходящих изменений как в самих этих организациях и движениях, так и в сфере международного терроризма в целом. Понятно, что такого рода стереотипы для большинства экспертных оценок являются ограничителем, не позволяющим получить какое-то близкое к объективному представлению о рассматриваемых объекте и предмете. И, конечно, в оценке вероятности эскалации военного конфликта в стране ту же группировку «ИГИЛ-Хорасан»³ нужно рассматривать как структуру, содержащую наибольший потенциал террористической

¹ Нессар, О. Современный Афганистан: факторы нестабильности / О. Нессар. — Текст: электронный // Афганистан.Ру: [сайт]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

² Организация, включенная в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в

соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

³ Организация, включенная в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

угрозы. Но при этом необходимо и понимать, что ее расхождения с движением талибов существуют во многих аспектах, имеющих базовое, принципиальное значение. Большинство экспертов сходятся во мнении, что само движение талибов не представляет непосредственной военной угрозы для стран Центральной Азии¹, хотя это не исключает угроз от ряда международных террористических групп, базирующихся на слабо контролируемой правительством талибов территории.

Геоэкономический и ресурсный фактор привлекает к себе внимание крупных иностранных и транснациональных компаний, специализирующихся на добыче и транспортировке природных ресурсов (и, в частности, энергоносителей): страна не только чрезвычайно богата полезными ископаемыми, но и обладает высочайшим транзитным потенциалом. Известны такие проекты как газопровод ТАПИ, железная дорога Туркмения-Афганистан-Таджикистан, Трансафганская железная дорога, CASA-1000 и другие.

Однако в современной ситуации и вопросы безопасности, и перспективы реализации разнообразных проектов, включая транспортные и энергетические, трансграничные проекты главным является геополитический фактор, со времени образования афганского государства оказывающий на его развитие зачастую решающее воздействие.

После вывода войск из Афганистана и частичной/временной потери стратегической

инициативы во влиянии на ситуацию в стране одной из важных стратегических линий США является фрагментация политического пространства в Афганистане. В плоскости текущей практической политики это означает в высокой степени вероятную, явную и неявную, поддержку со стороны США любых центробежных тенденций и практических действий, осуществляемых (или потенциальных) различными политическими силами в Афганистане. Среди которых этнически организованные группировки могут оказаться в наибольшей мере расположенными к такому сотрудничеству и подкреплённой материальной и политической поддержкой западных стран активности по эскалации военного конфликта в Афганистане.

Афганское и связанное с Афганистаном региональное конфликтное пространство имеет многослойную, многоуровневую структуру, в этом процессе переплетаются, оказывая влияние друг на друга, противоречия исторического и геополитического, геоэкономического и коммуникационного, цивилизационного и культурно-религиозного, во многих случаях — антагонистического, характера. И этнические взаимосвязи занимают в этих процессах одно из важнейших мест. В случае осуществления такого сценария вероятность вовлечения в него стран-соседей Афганистана представляется весьма высокой, и в том числе — в этническом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* История Афганистана / С.М. Акимбеков. — Астана — Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 848 с.
- Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана / Отв. ред. В.Г. Коргун. М.: РУДН, 2010. — 264 с.
- Басов В.В.* О национальном вопросе в Афганистане // В.В. Басов. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса. Сборник статей. — М.: НИЦ ФСКН России, 2011. — 353 с.
- Босин Ю.В.* Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте/ Ю.В. Босин. — Текст: непосредственный // М.: Издательство «Гуманитарий» Академия гуманитарных исследований, 2002. — 232 с.
- Гай Д., Снегирев В.* Вторжение // Знамя. — М., 1991. — № 3. — С. 195-217.

¹ Движение талибов не представляет угрозы Центральной Азии, заявили в МИД. — Текст: электронный // РИА новости: [сайт]. — URL:

<https://ria.ru/20220614/taliby-1795269104.html> (дата обращения: 26.03.2023).

- Ганковский Ю.В. Держава Дуррани. Очерки административной и военной системы. — Москва: Издательство восточной литературы, 1958. — 173 с.
- Имомов Ш. Некоторые черты мировоззрения Джамалуддина Афгани и общественная мысль Афганистана в начале XX в. // Ближний и Средний Восток: экономика и история. — М., 1983. — С. 142-152.
- Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия // М.: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с.
- Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст// Постсоветские исследования. 2023;3(6):266-280.
- Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 года и обновление региональной безопасности / А. А. Князев. // Постсоветские исследования. 2021. № 6. С. 456-469.
- Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — 640 с.
- Князев А.А. История Афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. / А.А. Князев. - Изд-во КРСУ. - Изд-е 2-е, переработ. и доп. - Бишкек, 2002. — 136 с.
- Князев А.А. Талибы возвращаются / А. А. Князев. — Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. —М., 2009. — Том 7. № 1 (19). — С. 134-140.
- Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 512 с.
- Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане / Ю.П. Лалетин // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Отв. ред. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. — М.: Аспект пресс, 2008. — С. 289-314.
- Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана // А.А. Ляховский. Ярославль: НОРД, 2004. 800 с.
- Нессар О. Современный Афганистан: факторы нестабильности / О. Нессар. — Текст: электронный // Афганистан.Ру: [сайт]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html>
- Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. — 2-е изд. перераб. и доп.— М: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 829 с.
- Рубин Б. Афганистан. Что о нем нужно знать каждому / Рубин Барнетт, Дэвид Мэнсфилд, Нематулла Бижан, Антонио Джустоцци; [пер. с англ. М. Тарасов]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 391 с.
- Сафранчук И.А. Децентрализация Афганистана и «Новый Северный Альянс» / И.А.Сафранчук // Россия и мусульманский мир. — 2017. — №5. — С. 71-79.
- Степаняну М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. М., 1962.
- Dupree N. An Historical Guide to Afghanistan / N. Dupree. — Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977. — 492 p.
- Goodson L. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban / Larry P. Goodson. — University of Washington Press; 1st edition (October 1, 2001). — 279 p.

REFERENCES

- Akimbekov S.M. Istoriya Afganistana / S.M. Akimbekov. — Astana — Almaty: IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2015. — 848 s.
- Arunova M.R., Laletin U.P. Ocherki srednevekovoj i novoj istorii Afganistana / Отв. ред. V.G. Korgun. М.: RUDN, 2010. — 264 s.
- Basov V.V. O nacional'nom voprose v Afganistane // V.V. Basov. Nacional'noe i plemennoe v Afganistane. K ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa. Sbornik statej. — М.: NIC FSKN Rossii, 2011. — 353 s.
- Bosin U.V. Afganistan: Polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v istoricheskom kontekste/ YU.V. Bosin. — Текст: neposredstvennyj // М.: Izdatel'stvo «Gumanitarij» Akademiya gumanitarnyh issledovanij, 2002. — 232 s.

- Dupree N.* An Historical Guide to Afghanistan / N. Dupree. — Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977. — 492 p.
- Gaj D., Snegirev V.* Vtorzhenie // Znamya. — M., 1991. — № 3. — S. 195-217.
- Gankovskij U.V.* Derzhava Durrani. Ocherki administrativnoj i voennoj sistemy. — Moskva: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. — 173 s.
- Goodson L.* Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban / Larry P. Goodson. — University of Washington Press; 1st edition (October 1, 2001). — 279 p.
- Imomov Sh.* Nekotorye cherty mirovozzreniya Dzhamaaluddina Afgani i obshchestvennaya mysl' Afganistana v nachale HKH v. // Blizhnij i Srednij Vostok: ekonomika i istoriya. — M., 1983. — S. 142-152.
- Kazantsev A. A.* «Bol'shaya igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Central'naya Aziya // M.: MGIMO-Universitet, 2008. — 382 s.
- Knyazev A.A.* Afganskaya politika Uzbekistana: sravnitel'nyj kontekst// Postsovetskie issledovaniya. 2023;3(6):266-280.
- Knyazev A.A.* Afganskije sobytiya vesny-leta 2021 goda i obnovlenie regional'noj bezopasnosti / A. A. Knyazev. // Postsovetskie issledovaniya. — 2021. — № 6. — S. 456-469.
- Knyazev A.A.* Afganskij krizis i bezopasnost' Central'noj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004. — 640 s.
- Knyazev A.A.* Istoriya Afganskoj vojny 1990-h gg. i prevrashchenie Afganistana v istochnik ugroz dlya Central'noj Azii. / A.A. Knyazev. - Izd-vo KRSU. - Izd-e 2-e, pererabot. i dop. - Bishkek, 2002. — 136 s.
- Knyazev A.A.* Taliby vozvrashchayutsya / A. A. Knyazev. — Mezhdunarodnye processy. ZHurnal teorii mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovoj politiki. 2009. Tom 7. № 1 (19). S. 134-140.
- Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye / pod red. A.D. Voskresenskogo. — M.: Aspekt Press, 2008. — 512 s.*
- Laletin U.P.* Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v Afganistane / YU.P. Laletin // Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye / Otv. red. A.D. Voskresenskij; MGIMO (U) MID Rossii. — M.: Aspekt press, 2008. — S. 289-314.
- Lyahovskij A. A.* Tragediya i doblest' Afgana // A.A. Lyahovskij. Y Aroslavl': NORD, 2004. 800 c.
- Nessar O.* Sovremennyy Afganistan: faktory nestabil'nosti / O. Nessar. — Tekst: elektronnyj // Afganistan.Ru: [sajt]. — URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html>
- Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka / pod red. professora A.D. Voskresenskogo. — 2-e izd. pererab. i dop.— M: ACT: Vostok—Zapad, 2007. — 829 s.*
- Rubin B.* Afganistan. CHto o nem nuzhno znat' kazhdomu / Rubin Barnett, Devid Mensfeld, Nematulla Bizhan, Antonio Dzhustocci; [per. s angl. M. Tarasov]. — SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2022. — 391 c.
- Safranchuk I.A.* Decentralizaciya Afganistana i «Novyj Severnyj Al'yans» / I.A.Safranchuk // Rossiya i musul'manskij mir. — 2017. — №5. — S. 71-79.
- Stepanyanc M.T.* Musul'manskije koncepcii v filosofii i politike XIX-XX vv. — M., 1962. — 248 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Алексеевич Князев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института международных отношений МГИМО МИД России; профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Москва, Санкт-Петербург, Россия. (Email: a.knyazev@inno.mgimo.ru)

Гулам Нинэль Яхьевна, магистр в области «Международных отношений», МГИМО. Москва, Россия. (E-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru)

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of International Relations, MGIMO, MFA of Russia; professor, St. Petersburg State University. Moscow, St. Petersburg, Russia. (E-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru)

Ninel Ya. Gulam, master's in international Relations Department of MGIMO University. Moscow, Russia. (E-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru)